

Научная статья

УДК 398.8, 784.4, 811.553

DOI 10.17223/18137083/96/2

**«Я для светлых людей петь буду...»
(Песенное творчество Александра Максимовича Котусова)**

Константин Андреевич Сагалаев

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
bigbeatle@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6963-4130>

Аннотация

Статья посвящена изучению кетской песенной традиции, которая к настоящему времени практически полностью утрачена. На материале экспедиционных записей 2005 г. и одного текста, взятого из сети интернет, впервые анализируется творчество Александра Максимовича Котусова (1955–2019) – последнего яркого носителя личных песен *ил'*. Рассматриваются как традиционные личные песни, так и уникальные примеры контрафактуры: создание на основе российских, советских и зарубежных шлягеров новых по своему содержанию текстов на кетском языке. Сравнительный анализ показывает, что А. Котусов создавал глубокие философско-поэтические тексты, отражающие анимистическую картину мира, циклическое восприятие времени и сакральную топонимику. Делается вывод об окказиональном, но научно значимом характере этого феномена и о необратимости угасания традиции после ухода певца.

Ключевые слова

кеты, личные песни, заимствования, перевод, песенные традиции народов Сибири, современное состояние, угасание традиции

Благодарности

Исследование выполнено в рамках государственного задания ФГБУН ИФЛ СО РАН (FWZU-2026-0002: «Устные традиции народов Сибири и Дальнего Востока: документирование и комплексное изучение»)

Для цитирования

Сагалаев К. А. «Я для светлых людей петь буду...» (Песенное творчество Александра Максимовича Котусова) // Сибирский филологический журнал. 2026. № 3. С. 27–39. DOI 10.17223/18137083/96/2

© Сагалаев К. А., 2026

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2026. № 3. С. 27–39
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2026, no. 3, pp. 27–39

“I’ll sing for pure-hearted people...”: The musical and poetic legacy of Alexander M. Kotusov

Konstantin A. Sagalaev

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
bigbeatle@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6963-4130>

Abstract

Understudied and near extinction, the Ket song tradition is vital to a small Siberian indigenous culture, threatened by language loss, assimilation, and the passing of elders. This article presents the first comprehensive scholarly examination of the musical and poetic legacy of Alexander Kotusov (1955–2019), the last outstanding bearer of the personal song genre (*il'*). The source material comprises field recordings collected by the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences during the 2005 expedition for the *Folklore of the Kets* volume. The investigation focuses on two songs documented in 2005, alongside one performance sourced online. Particular attention is paid to Kotusov's practice of contrafacture: adapting popular Russian and foreign hits into the Ket language while preserving traditional poetics. A comparative textual analysis of one adaptation, a song about ancestral hunting territories set to a popular melody, demonstrates that despite minimal semantic correlation with the original source, Kotusov produced a remarkably original philosophical creation rich in animistic metaphors, cyclical temporal themes, and sacred place names. His lyrics transform borrowed melodies into powerful vehicles for expressing the Ket worldview, wherein nature is animate, death signifies returning to ancestral lands, and birds perform shamanic rituals. While stemming from personal genius rather than communal revival, Kotusov's episodic oeuvre holds immense scientific value as a unique late testimony to Ket musical culture. Following his death, this living tradition is considered irrevocably lost, though preserved archival recordings offer vital hope for future linguistic and anthropological research.

Keywords

Kets, personal songs, borrowings, translation, song traditions of the peoples of Siberia, current state, fading traditions

Acknowledgments

This research was conducted within the framework of the state assignment for the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (FWZU-2026-0002: “Oral Traditions of Peoples of Siberia and the Far East: Documentation and Comprehensive Study”)

For citation

Sagalaev K. A. “Ya dlya svetlykh lyudey pet' budu...”: Pesennoye tvorchestvo Aleksandra Maksimovicha Kotusova [“I’ll sing for pure-hearted people...”: The musical and poetic legacy of Alexander M. Kotusov]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*. 2026, no. 3, pp. 27–39. (In Russian) DOI 10.17223/18137083/96/2

Песенные традиции коренных народов Сибири до сих пор изучены в неодинаковой степени. То же самое можно сказать и о других сферах традиционной культуры сибирских аборигенов: некоторым со вниманием исследователей повезло больше, некоторым – меньше. Причиной тому является множество факторов, и количество носителей языка и традиции – лишь один из них. Межэтнические связи (ассимиляция соседними этносами), политика государства по отношению к малочисленным народам (практиковавшийся запрет детям говорить в школе-ин-

тернате на родном языке), неизбежное разрушение традиционной модели ведения хозяйства также послужили причинами полной или частичной утраты тех или иных сегментов культурной палитры, произошедшей прежде, чем они стали объектом фиксации и подверглись пристальному комплексному изучению.

Музыкальная культура кетов, с одной стороны, не успела получить достаточного описания по сравнению с традициями соседних этносов, например ненцев и эвенков: упомянем статью Г. К. Вернера [Вернер и др., 1981], раздел «Кеты и селькупы» в коллективной монографии «Музыкальная культура Сибири», подготовленный Т. Ю. Дорожкой [Дорожка, 1997], исследования Ю. И. Шейкина [2002], Е. А. Алексеенко [2005], Г. Е. Солдатовой [2007], А. М. Айзенштадта [2012]. С другой стороны, к настоящему времени эта традиция уже практически полностью утрачена. Те видео- и аудиозаписи, в том числе в исполнении фольклорных ансамблей, которые опубликованы в интернете, видимо, можно отнести к исконной кетской песенности лишь с натяжкой – скорее это попытки реконструкции ушедшей традиции. Количество кетов, в настоящее время владеющих языком и хотя бы фрагментарно знающих свой фольклор, О. А. Казакевич с соавторами еще в 2008 г. оценивала так: «По нашим оценкам, основанным на результатах серии социолингвистических обследований, проводившихся нами в 1999–2006 гг., количество носителей кетского языка, владеющих им хоть в какой-то степени, сегодня не превышает 130–150 человек. Передача языка от родителей к детям прервана не менее трех десятков лет назад» [Казакевич и др., 2008, с. 251]. За прошедшие с тех пор годы с уходом из жизни многих из последних знатоков языка и фольклора ситуацию приходится признать удручающей.

Кетскую песенную традицию в том виде, в каком она дошла до исследователей, можно довольно условно ¹ разделить на две основные категории: личные песни – *ил'* и шаманские личные песни – *сен'беренг ил'*: «Собственно песенный фольклор составляют так называемые “свой”, “собственные” песни, “женские” (более всего песни-обращения матери к детям), “шаманские” <...>. Память об авторстве подобных песен, как правило, сохранялась последующими исполнителями и в окружающей среде. Не каждый человек имел “свою” песню, но практически каждый знал и мог исполнить чью-то чужую» [Алексеенко, 2005, с. 729]. Личная песня, помимо эстетической, несла еще одну очень важную функцию: эта мелодия являлась маркером личности и рода, «визитной карточкой» человека в традиционном обществе; наличие такой песни (и их количество у одного человека) создает его узнаваемый соплеменниками «автопортрет», остающийся в памяти и после ухода исполнителя из жизни: «Окружающие запоминали мелодию песни, а иногда и содержание (если оно было более или менее постоянным), поэтому дочь могла спеть песню давно умершей матери и т. д.» [Алексеенко, 1970, с. 45]. Аналогично тому, как шаман, постепенно набирающий силу, «обрастал» все большим количеством ритуальных атрибутов и духов-помощников, «яркие исполнители могли иметь до шести мелодий и более» [Дорожка, 1997, с. 121] ².

¹ Ср., например: «...у кетов известны и особые детские сказки. Некоторые из них пелись и служили колыбельной (например, сказка о Пикуло человеке-птице)» [Алексеенко, 1970, с. 47]. Написание «Пикуло» в данном случае может быть опечаткой, в научной литературе распространено написание «Пикуля».

² А. М. Айзенштадт, говоря о песеннице Ульяне Куприяновне Каменских, упоминает, что все свои песни она «поет на семь-восемь напевов, искусно варьируя их, контаминируя попевки» [Айзенштадт, 2012, с. 80].

В двух наших экспедициях к кетам в 2004–2005 гг.³ нам удалось застать лишь нескольких по-настоящему ярких и самобытных носителей кетской песенной традиции. Нельзя не упомянуть Ольгу Васильевну Тыганову из пос. Суломай, которой на момент записи было 87 лет, в разные годы с ней работали такие исследователи, как Е. А. Крейнович, А. П. Дульзон и Е. А. Алексеенко. От нее в числе прочего были записаны и личные песни, и шаманские напевы [Солдатова, 2007, с. 53]. Второй несомненной удачей стала встреча в 2005 г. в пос. Келлог с Александром Максимовичем Котусовым. В интернете можно обнаружить лишь несколько публицистических статей о нем, в основном появившихся уже после его ухода из жизни в июле 2019 г.⁴, и тезисы одного доклада на научной конференции [Галямина *, 2012], к сожалению, не получившего своего продолжения в виде развернутой публикации. Отдельных научных исследований, посвященных феномену творчества Александра Максимовича, до сих пор проведено не было; настоящая статья призвана восполнить эту лакуну.

Александр Максимович Котусов родился в Келлоге в 1955 г. Отцом его был эвенкийский охотник и шаман М. С. Баякин, после его смерти Александр Максимович исполнял его личные песни: так, в 1992 г. такая песня была записана от него в момент родовспоможения [Дорожкова, 1997, с. 113]. Мать была кеткой, именно от нее он перенял способность поэтически выражать чувства к родной земле на кетском языке⁵. Сестра Мария Максимовна Ирикова также была нашим информантом в Келлоге, от нее было записано много сказок, меморатов, бытовых рассказов; так что здесь налицо не просто талант, «случайно» доставшийся одному человеку, а семейная творческая традиция. Александр Максимович всю жизнь прожил в Келлоге, был охотником, в тайге проводил многие месяцы.

Запомнился он главным образом своими песнями, которые пел всю жизнь – по просьбе родственников, односельчан и исследователей, но чаще для души, один, в тайге, которая и была его единственным настоящим домом. Эти песни были разные: и на собственные мелодии Александра Максимовича, и на услышанные от его родственников. Особый интерес для исследователей представляет собой отдельный пласт песен, спетых им на мелодии различных советских, российских и зарубежных шлягеров, очевидно, часто слышанных им по радио и «вошедших в резонанс» с его настроением и мировосприятием, ставших основой для самостоятельного поэтического произведения. В посвященной Александру Максимовичу статье Википедии⁶ упоминаются такие источники для заимствования мелодий, как песни Аллы Пугачевой, Натали, Валерия Леонтьева, Татьяны

³ Комплексные фольклорно-этнографические экспедиции в 2004 г. (Байkitский район Эвенкийского АО) и 2005 г. (Туруханский район Красноярского края) проводились Институтом филологии СО РАН для сбора материалов к тому «Фольклор кетов» серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Состав участников в обоих случаях: Н. М. Гришина, Г. Е. Солдатова и К. А. Сагалаев.

⁴ См., например: <https://nazaccent.ru/content/29330-uchenye-pomogli-sobrat-dengi-na-lechenie> (дата обращения 12.07.2026).

* Минюстом РФ Ю. Е. Галямина включена в реестр лиц, выполняющих функции иностранных агентов.

⁵ См.: Галямина Ю. Е. * Последний бард последнего народа. URL: <https://www.trv-science.ru/2019/09/poslednij-bard-poslednego-naroda/> (дата обращения 20.06.2026).

⁶ См.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Котусов,_Александр_Максимович (дата обращения 30.06.2026).

А. М. Котусов в момент исполнения личной песни
A. M. Kotusov performing a personal song

Булановой, Софии Ротару – и это, конечно, неполный список. «Стихийным постмодернистом» Котусова называет Ю. Е. Галямина ⁷, и, видимо, для этого есть основания. Песни же на традиционные мелодии (не менее впечатляющие) можно услышать, например, в фильме «Кеты Мундуйского озера», снятого О. А. Казакевич в 2008 г. в пос. Мадуйка Туруханского района Красноярского края [Сагалаев, 2023, с. 119–120] (сами песни были записаны в 2005 г. в Келлоге). К сожалению,

⁷ См.: Галямина Ю. Е. * Последний бард последнего народа.

Александр Максимович никому не передал своего искусства... Ушел из жизни он 12 июля 2019 г. в Туруханской районной больнице, и равнодушным людям – ученым, журналистам – стоило больших усилий добиться отправки тела в Келлог, чтобы последний кетский певец мог быть похоронен у себя на родине. С его уходом песенную традицию кетов, по-видимому, можно считать окончательно утраченной.

Однако вернемся в 2005 год. Всего за один день 20 августа нами было записано на аудио- и снято на видеоносители 16 песен в исполнении Александра Максимовича общей продолжительностью почти 50 минут⁸. Для записи мы специально ушли на природу, в сторону от поселка. Единственным минусом такого решения было изобилие гнуса, плюсами стали естественная ситуация исполнения, большая раскованность певца, привыкшего как раз к такой обстановке, и отсутствие неизбежных в поселке посторонних шумов. Из этих шестнадцати песен одиннадцать были им объявлены как «своя песня» (иногда с ремарками: «о земле», «о любимой», «об охотничьем участке», «песня Тани Овсиенко»), среди остальных пяти были две песни матери, песня отца, шаманская песня деда, песня Машиной свекрови (Маша – М. М. Ирикова, его сестра). Приведем фрагмент одной из двух песен матери:⁹

<i>Амэ! Ар' хай ук ил' бек қотэ ан дбобугос', ат хай кэнерең не доуот ат хай ан дибил'.</i>	Мама! Я твою песню вперед поне- су, я для светлых людей петь буду.
---	---

<i>Ау, ат хай кире ил' қотэ ба тқотейул'а, қокт сāl диңа ат хай қотэ бат дерагимне, ат хай эта қорэ дир'аңс' бат дир'аңс' бауған.</i>	Ау, я эту песню вперед (в будущее) потяну, в будущую ночь тебе я ее пу- щу, как будто птицей, птицей стану.
---	---

<i>Ау, маму-му, маму-му, ә- үе-үе-үе, қуңа кире баңа бек ас' дйгут, эта кире баңа бын' дел'тан бат дол'дақ.</i>	Ау, маму-му-мама-му, о-го-го-го, тебе на этой земле всегда буду кам- лать, живым на этой земле не зря жил.
---	--

Обратим внимание на то, что мать здесь – не субъект, а объект песни; переняв ее мелодию, исполнитель посвящает текст ей самой. В то же время «Песня Машиной свекрови» представляет собой монолог, по-видимому, от ее имени. Следует пояснить также и слова о «светлых людях». Для кетов устойчивое выражение «светлые люди», «чистые люди» (*кэнерең*) являлось маркером принадлежности к «своему» миру людей в противоположность «чужому», враждебному миру не-людей. Часто оно могло использоваться и в значении «кеты», «кетский народ» с целью выделения себя среди реальных соседей (эвенков, ненцев, селькупов, русских) [Алексеев, 1976, с. 76].

Из одиннадцати песен, отмеченных певцом как «свои», четыре были исполнены на заимствованные из популярной музыки мелодии: еврейская народная песня «Тум-балалайка» («Своя песня»), «Ветер с моря дул» певицы Натали («Песня

⁸ Выбор именно этих песен для анализа в данной статье обусловлен в том числе тем обстоятельством, что до сих пор не все записанные тексты получили расшифровку и перевод.

⁹ Здесь и далее при цитировании текстов, записанных при нашем участии в комплексной экспедиции 2005 г.: расшифровка и перевод В. А. Романенковой и Н. М. Гришиной.

о своем охотничьем участке»), «Музыка нас связала» группы «Мираж», объявленная как «Песня Тани Овсиенко» («Своя песня»), и «Ciao bambino, sorry» Мирей Матье («Песня о земле»). Возникает естественный вопрос о степени корреляции между оригиналом и переделкой (назовем ее пока так) на уровне текста. В ряде случаев ответ очевиден: Александр Максимович не знал ни французского языка, ни идиш, и, по-видимому, «триггером» для создания новой песни послужила именно запоминающаяся мелодия, услышанная по радио, телевизору или с магнитофонной ленты. Впрочем, здесь также уместно будет обратиться к словам Ю. М. Лотмана: «...исследование психологических механизмов творческого сознания лежит за пределами нашей компетенции» [Лотман, 2010, с. 225].

В случае же использования в качестве основы песни на русском языке мы можем наблюдать некоторую корреляцию кетского текста с русским оригиналом, но и в этом случае перевод представляет собой оригинальное авторское произведение. При этом А. М. Котусов никогда не обучался переводу: «его опыты перевода поэтического текста основаны на языковой интуиции и опыте» [Галямина *, 2012, с. 17]. Рассмотрим песню «*Аб кэй баң дил'*» (Песня о моем охотничьем участке) на мелодию популярной в конце 1990-х – начале 2000-х гг. песни «Ветер с моря дул». Мы не будем здесь приводить полный текст русскоязычного оригинала (далее – «исходный текст») ¹⁰, ограничимся лишь началом: «Ветер с моря дул, ветер с моря дул, // Нагонял беду, нагонял беду, // И сказал ты мне, и сказал ты мне: // “Больше не приду, больше не приду”». Припев «Видно, не судьба, видно, не судьба, // Видно, нет любви, видно, нет любви, // Видно, надо мной, видно, надо мной // Посмеялся ты, посмеялся ты» повторяется девять раз. Переведенный на русский язык вариант Александра Максимовича (далее – «производный текст»), напротив, заслуживает того, чтобы привести его полностью:

*С Елового озера, с Елового озера
Ветер появился, ветер появился.
Я опять здесь стоял, я опять стою.
Как ого-го-го, как ого-го-го
Ветер появился, ветер появился.
Ветер опять с Елового озера,
С Елового озера оттуда сюда идет.
Я опять потом петь начал, я петь начал.
С нашего Елового озера,
С нашего Елового озера
Ветер сюда идет, идет, о, идет.
Пришел сюда в наш Келлог,
На реку Точес приходил этот ветер.
Я опять по этим землям,
По нашему Еловому озеру, я опять там хожу.
Такого озера ту сторону,
Такого озера ту сторону не видно.
Такое быстрое, такое быстрое наше озеро, ого-го.
Из Елового озера, из Елового озера река
Дыгось вытекает, вытекает,
Река Дыгось вытекает, вытекает.*

¹⁰ С полным текстом произведения можно ознакомиться в интернете. Например: <https://genius.com/Natali-veter-s-morya-dul-lyrics> (дата обращения 30.06. 2026).

Эта река Дыгось бежит, бежит к Доксь, к Доксь бежит.
 Эта Доксь тоже река, она тоже быстрая.
 По этому краю я также хожу,
 Мое охотничье место там,
 Мое охотничье место там, знайте, знайте.
 Наше Еловое озеро, Еловое озеро само...
 Я опять об этом озере песню сочиняю,
 Песню я опять написал.
 Пусть как тетерев человек камлает, он тоже так камлает.
 В озере-ре, говорю...
 Посмотрите-ка, посмотрите-ка сюда, как гуси и лебеди,
 Как водяные шаманы поют и камлают.
 Все кукушки, дикие звери, все на-на-на там.
 Лебедей стая все вместе, все звери на этом озере.
 Эти гуси даже все там, на нашем Еловом озере.
 На Еловом озере я к тебе-е, теперь к тебе скоро приду,
 К тебе скоро опять приду, если меня ты знаешь.
 Я опять к тебе, к тебе, как будто я всегда [об этом] знаю.
 И умирать к тебе приду, умирать на берег поднимусь,
 К тебе поднимусь.
 Там мои кости эти, мои кости там пусть лежать будут,
 На этом краю озера на лабазе-зе.
 Мои кости пусть лежат, я там лягу у озера,
 Пусть будет хорошо, говорю.

Как легко заметить, вся корреляция на уровне семантики заканчивается, едва начавшись – в обоих случаях причиной последующих событий становится ветер, дующий с некоего водоема. В производном тексте это не абстрактное «море», а Еловое озеро (кет. *Дында*), рядом с которым находится охотничий участок семьи Котусовых. Песня Александра Максимовича вообще насыщена конкретной топонимикой: это и родное село Келлог, и таежные речки Точес и Дыгось, и река Доксь (кетское название р. Таз на севере Западной Сибири). Этот окружающий автора мир одушевлен и сакрален, именно к нему он обращается в своих песнях. Ветер не *подул*, а *появился и идет*, как живое существо: *Как ого-го-го, как ого-го-го ветер появился, ветер появился* (Биле үэ-үо-үо, биле үэ-үо-үо бей бат *ситонок*, бей бат *ситонок*) <...> *С нашего Елового озера, с нашего Елового озера ветер сюда идет, идет, о, идет* (эта Дындедиңал', эта Дындедиңал' бей әуа ан *ууотн*, *ууотн*, ә, *ууотн*), птицы не *кричат*, а *камлают* (кет. *дуоңготин*). Реки в картине мира кетов также являлись живыми существами женского начала и «олицетворялись в образе матерей, причем крупная река признавалась матерью своих притоков» [Алексеев, 1976, с. 94].

В целом в производном тексте (на кетском языке) как минимум в начале сохранен ритмический рисунок оригинала (*Дындэдиңал' ан', Дындэдиңал' ан' // Бей бат ситанок, Бей бат ситанок*), в переводе же на русский язык он не так очевиден. Однако лексические повторы, на которых целиком построен исходный текст, сохраняются и в песне Александра Максимовича: *С Елового озера, с Елового озера...; Я опять... я опять...* (анафора); *вытекает, вытекает; бежит, бежит* (эпифора). Это позволяет проследить ритмические параллели между текстами.

Отметим также закольцованность композиции: текст начинается с ветра, идущего с озера, и заканчивается уходом человека из жизни на том же озере; это за-

мыкает круг. Лирический герой возвращается к истоку, ветер возвращается на озеро. Цикличность жизни таежного охотника показана и частым употреблением слова «опять»: *Я опять здесь стоял, я опять стою (Ат хай кир'е бат дол'тан', ат хай диккен); Я опять потом петь начал, я петь начал (Ат хай қайе бат ил'боуон, ат бат ил' боуон); Я опять по этим землям, По нашему Еловому озеру, я опять там хожу (Ат хай тур'а баңандиңт эте Дындединт, ат хай с'оң ан тайуе); Я опять об этом озере песню сочиняю (Ар' хай ба тур'е дэ доуот ил' ба тбил'бет); К тебе скоро опять приду (куңа кам хай диксибес')* и т. д. Человек уже делал это раньше, делает сейчас и будет делать всю оставшуюся жизнь. Вообще говоря, цикличность времени характерна для кетской картины мира: «Временное членение этого существующего мира в представлениях кетов обусловлено его цикличным исчезновением в результате наводнения (потопа) и последующим возрождением. Количество циклов неопределенно» [Алексеев, 1976, с. 69].

Из поэтических приемов можно выделить и основанную на анимизме метафору, представляющую водоплавающих птиц как шаманов: *Посмотрите-ка, посмотрите-ка сюда, как гуси и лебеди, // как водяные шаманы поют и камлают (Ба там кат кар'ун, кат кар'ун эуа, бил'а темн ан тиуин, // ул' с'енаң эта дириңс'аң, дуоңготин)*. Здесь имеет место прямой перенос магического действия (камлания) на мир животных, стирающий грань между человеком, птицей и духом озера. Не будем забывать, что, как и у многих других народов, лебедь был для кетов птицей священной. Он являлся любимой птицей богини Томам, в него превращались шаманы (например, легендарный Дог) и в этом образе совершали свои шаманские путешествия: «...почитание лебедей было характерно для кетов; известен обряд встречи первых лебедей и их проводов; существовал запрет убивать лебедей» [Алексеев, 2001, с. 268].

Исходный текст представляет собой простой набор штампов, наделенных мнемонической функцией, – текст должен быть максимально простым, чтобы лучше запоминаться и быть востребованным в шоу-бизнесе. Производный текст – философско-поэтическое осмысление автором своей судьбы, места на этой земле, конечности всего сущего и в то же время непрерывности бытия. Тема смерти решается здесь не как шаг в небытие, а как возвращение домой, к истокам и предкам, туда, где «*пусть будет хорошо*». Сравнение двух приведенных выше текстов приводит нас к выводу, что на основе популярной песни без претензий на глубокий смысл Александру Максимовичу удалось создать оригинальное, глубокое произведение, отражающее картину мира целого народа, имеющее цельную, законченную композицию и украшенное выразительными средствами, исходному тексту не свойственными.

На интернет-ресурсе «Малые языки Сибири: наше культурное наследие» (на материале языков бассейна Среднего Енисея и Среднего и Верхнего Таза) опубликована видеозапись, сделанная О. А. Казакевич 18 июля 2005 г.¹¹ На ней Александр Максимович поет песню Аллы Пугачевой «Без меня» (музыка Раймонда Паулса, слова Ильи Резника)¹²; нам он эту песню не исполнял. В его варианте песня носит название «Алла Пугачева», поскольку при переводе на кетский язык автор намеренно поменял акценты и смыслы, и в его исполнении Алла Борисовна

¹¹ Видеозапись, текст и перевод доступны по ссылке: <https://siberian-lang.iling-ran.ru/text/alla-pugacheva-m-kotusov> (дата обращения 30.06.2026).

¹² Текст оригинальной песни доступен по ссылке: <https://genius.com/Alla-pugacheva-without-me-lyrics> (дата обращения 30.06.2026).

из субъекта и исполнителя стала объектом, адресатом песни: *Ты здесь сейчас где-то. // Посмотрите, послушайте это. // Я тогда еще хоть немного спою. // Пусть и она хоть послушает. // Люди, люди, хоть вы // послушайте это сейчас! // Она где-то живет. // Она живет где-то. // В Москве живет. // Я в Келлоге. // Она сюда [приехать] не хочет. // Здесь она не поет. // Я в Москву не хочу, не хочу. // Посмотрите на меня! // Посмотрите на меня! // Она где-то далеко, почему не хочет здесь песню [спеть]? // Что, бывало, с ней случалось*». Автор намеренно уточняет свое место в этом мире – оно находится именно в Келлоге; противопоставление Москвы и Келлога окончательно устанавливает невозможность встречи автора и героини песни и подчеркивает общую трагичность ситуации.

Само по себе явление заимствования мелодии песни либо с изменением слов, либо с их полной заменой, известно еще со времен Средневековья и носит название «контрафактура» (нем. Kontrafaktur) [Лебедев, 2010, с. 147]. При этом корреляция с оригинальным текстом бывает различной – от сохранения смысла и образов (в той мере, насколько это позволяет заимствующая культура) до полной замены текста и смысла, когда от оригинала остается только мелодия, а все описываемые реалии и события не имеют с ним ничего общего. Последний случай проще всего проиллюстрировать понятием *пародии*, но, во-первых, понижающее, пародийное переосмысление вовсе не единственный способ сделать «чужое» явление «своим», а во-вторых, в переводческих экспериментах А. М. Котусова мы как раз не наблюдаем стремления автора достичь какого-либо комического эффекта. Напротив, анимистические метафоры, лексические повторы и закольцованность композиции песни об охотничьем участке словно вводят слушателя в транс и подчеркивают сакральность описываемого; в тексте, посвященном А. Б. Пугачевой, также совершенно отсутствует юмористическая составляющая – автор признает бесплодность своей мечты о встрече с героиней, но в глубине души мечтать об этой встрече все равно продолжает. В обоих приведенных нами текстах присутствует хотя бы минимальная корреляция с оригиналом (в первом случае на уровне текста, во втором – превращение исполнителя песни в адресата ее перевода). При этом каждый раз происходит адаптация заимствованного материала к родной для нового автора устной традиции, его трансформация и подстройка к его картине мира. В случае с кетской песенной культурой такое переосмысление, безусловно, интересно с научной точки зрения, хотя, по-видимому, и носит окказиональный характер, поскольку вытекает не из общего развития музыкальной культуры народа, а из выдающихся творческих способностей одного из его представителей. Александр Максимович действительно был последним и одним из наиболее ярких носителей песенной культуры кетов. Надежда на ее возрождение – вопрос открытый; прежде всего нужно сохранить сам язык, без которого невозможно существование и традиционной культуры. В случае появления новых самобытных исполнителей из молодежи, сравнимых с тем же А. М. Котусовым по владению родным языком и песенной традицией, последняя может и вернуться в живое бытование. Но пока таких певцов, к сожалению, не отмечено.

Список литературы

Айзенштадт А. М. У кетов и селькупов // А. М. Айзенштадт: к 90-летию со дня рождения. Исследования. Исторические материалы и воспоминания. Новосибирск: Новосиб. гос. консерватория им. М. И. Глинки, 2012. 252 с.

- Алексеев Е. А. Этнографические элементы в кетском фольклоре // Фольклор и этнография. Л.: Наука, 1970. С. 43–51.
- Алексеев Е. А. Представления кетов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.) / Отв. ред. И. С. Вдовин. Л.: Наука, 1976. С. 67–106.
- Алексеев Е. А. Мифы, предания, сказки кетов. М.: Вост. лит., 2001. 343 с.
- Алексеев Е. А. Духовная культура // Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. М.: Наука, 2005. С. 719–732.
- Вернер Г. К., Вернер И. Г., Николаева Г. С., Николаев Н. Е. О песнях современных сымских и имбатских кетов // Сказки народов Сибирского Севера: Сб. ст. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. С. 3–26.
- Галямина Ю. Е. * Александр Котусов – единственный специалист по поэтическому переводу с русского на кетский // «Народная лингвистика»: взгляд носителей языка на язык. Тезисы докладов международной научной конференции, Санкт-Петербург 19–21 ноября 2012 г. / Отв. ред. Е. В. Головкин. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 16–18.
- Дорожкова Т. Ю. Кеты и селькупы // Музыкальная культура Сибири: В 3 т. Новосибирск, 1997. Т. 1: Традиционная музыкальная культура народов Сибири. Кн. 1: Традиционная культура коренных народов Сибири. С. 103–129.
- Казакевич О. А., Будянская Е. М., Галямина Ю. Е. * Истории жизни автохтонного населения Сибири: публикация глоссированных текстов. Публикация 1-я // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2008. № 6. С. 246–286.
- Лебедев С. Н. Контрафактура // Большая российская энциклопедия. М., 2010. Т. 15. С. 147–148.
- Лотман Ю. М. Чему учатся люди. Статьи и заметки / [Предисл. Пеэтер Тороп, сост. Сильвии Салувере, Пеэтер Тороп]. М.: Центр книги ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, 2010. 416 с.
- Сагалаев К. А. Редкий кадр (Кетская фото- и кинолетопись) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2023. № 4 (42). С. 115–126.
- Солдатова Г. Е. Музыкальные материалы к кетскому фольклорному тому // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 3. С. 52–54.
- Шейкин Ю. И. История музыкальной культуры народов Сибири: сравнительно-историческое исследование. М.: Вост. лит., 2002. 708 с.

References

- Ayzenshtadt A. M. U ketov i sel'kupov [Among the Kets and Selkups]. In A. M. Ayzenshtadt: k 90-letiyu so dnya rozhdeniya. Issledovaniya. Istoricheskiye materialy i vospominaniya [A. M. Ayzenshtadt: to the 90th anniversary of his birth. Research. Historical materials and memoirs]. Novosibirsk, M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatory, 2012, 252 p.
- Alekseenko E. A. Dukhovnaya kul'tura [Spiritual culture]. In *Narody Zapadnoy Sibiri: khanty, mansi, sel'kupy, nentsy, entsy, nganasany, kety* [Peoples of Western Siberia: Khanty, Mansi, Selkups, Nenets, Enets, Nganasans, Kets]. Moscow, Nauka, 2005, pp. 719–732.
- Alekseenko E. A. Etnograficheskiye elementy v ketskom fol'klore [Ethnographic elements in Ket folklore]. In *Fol'klor i etnografiya* [Folklore and ethnography]. Leningrad, Nauka, 1970, pp. 43–51.

Alekseenko E. A. *Mify, predaniya, skazki ketov* [Myths, legends, fairy tales of the Kets]. Moscow, Vost. lit., 2001, 343 p.

Alekseenko E. A. Predstavleniya ketov o mire [Ket ideas about the world]. In *Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniyakh narodov Sibiri i Severa (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Nature and man in the religious beliefs of the peoples of Siberia and the North (second half of the 19th – early 20th century)]. I. S. Vdovin (Ed.). Leningrad, Nauka, 1976, pp. 67–106.

Dorozhkova T. Yu. Kety i sel'kupy [Kets and Selkups]. In *Muzykal'naya kul'tura Sibiri: v 3 t.* [Musical culture of Siberia: in 3 vols.]. Novosibirsk, 1997, vol. 1: Traditsionnaya muzykal'naya kul'tura narodov Sibiri [Traditional musical culture of the peoples of Siberia], bk. 1: Traditsionnaya kul'tura korennykh narodov Sibiri [Traditional culture of the indigenous peoples of Siberia], pp. 103–129.

Galyamina Yu. E. Aleksandr Kotusov – yedinstvennyy spetsialist po poeticheskomu perevodu s russkogo na ketskiy [Alexander Kotusov – the only specialist in poetic translation from Russian into Ket]. In *“Narodnaya lingvistika”: vzglyad nositeley yazyka na yazyk. Tezisy dokladov mezhdunar. nauch. konf., Sankt-Peterburg 19–21 noyabrya 2012 g.* [“Folk linguistics”: native speakers' view on language. Abstracts of the intern. sci. conf., St. Petersburg, November 19–21, 2012]. E. V. Golovko (Ed.). St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2012, pp. 16–18.

Kazakevich O. A., Budyanskaya E. M., Galyamina Yu. E. Istorii zhizni avtokhtonogo naseleniya Sibiri: publikatsiya glossirovannykh tekstov. Publikatsiya 1-ya [Life stories of the autochthonous population of Siberia: publication of glossed texts. Publication 1st]. *RSUH Bulletin. Series: History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies.* 2008, no. 6, pp. 246–286.

Lebedev S. N. Kontrafaktura [Contrafacture]. In *Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya* [Great Russian encyclopedia]. Moscow, 2010, vol. 15, pp. 147–148.

Lotman Yu. M. *Chemu uchatsya lyudi. Stat'i i zametki* [What people learn. Articles and notes]. P. Torop (Pref.), S. Salupere, P. Torop (Comps.). Moscow, Tsentr knigi VGBIL im. M. I. Rudomino, 2010, 416 p.

Sagalaev K. A. Redkiy kadr (Ketskaya foto- i kinoletopis') [A rare shot (Ket photo and film chronicle)]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology.* 2023, no. 4 (42), pp. 115–126.

Sheykin Yu. I. *Istoriya muzykal'noy kul'tury narodov Sibiri: sravnitel'no-istoricheskoye issledovaniye* [History of musical culture of the peoples of Siberia: a comparative historical study]. Moscow, Vost. lit., 2002, 708 p.

Soldatova G. E. Muzykal'nyye materialy k ketskomu fol'klornomu tomu [Musical materials for the Ket folklore volume]. *Humanitarian sciences in Siberia.* 2007, no. 3, pp. 52–54.

Verner G. K., Verner I. G., Nikolaeva G. S., Nikolaev N. E. O pesnyakh sovremennykh symskikh i imbatskikh ketov [On the songs of the modern Sym and Imbat Kets]. In *Skazki narodov Sibirskogo Severa: sb. st.* [Tales of the peoples of the Siberian North: collection of articles]. Tomsk, Tomsk University Press, 1981, pp. 3–26.

Информация об авторе

Константин Андреевич Сагалаев, младший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Konstantin A. Sagalaev, Junior Researcher, Department of Folklore of Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 02.07.2026;
одобрена после рецензирования 15.07.2026; принята к публикации 15.07.2026
The article was submitted on 02.07.2026;
approved after reviewing on 15.07.2026; accepted for publication on 15.07.2026*